

НЕ ИЗ ГЛУБИНКИ — ИЗ ГЛУБИНЫ

«Российская глубинка» — говорят о провинциальных городах и всех России. Но если вдуматься, то станет ясно, что в отношении такой огромной страны, как Россия, это выражение ни по смыслу, ни по эмоциональному наполнению не подходит. Какая там «глубинка», когда это чуть ли не вселенская глубина! И село Понзори Сампурского района Тамбовской области, где в 1934 году родился поэт Игорь Алексеевич Еремин, и город Благовещенск Амурской области, где он закончил пединститут (1960 г.), и городок Белогорск, где он долгие годы жил, по отношению к Москве невообразимая, тысячеверстная глубина.

Ученые-океанологи гадают: есть ли жизнь в океанских глубинах, на самом дне, а коли есть, то какая...

Литературоведов, когда они обращают взор в глубь российской провинции, подобные вопросы, похоже, не мучают: они по традиции считают, что литературная жизнь там, конечно, есть, но она, по сравнению со столичной, носит простейшие формы, очень медленно эволюционирует, и потому художественные открытия, а тем более потрясения, ей абсолютно неведомы.

О том, что из этой глубины время от времени всплывают крупные, удивляющие свет таланты, литературоведы говорят как-то вяло, вполголоса, а потом и вообще забывают об этом, зачислив провинциальные дарования по своему ведомству, особенно если тем удалось каким-нибудь образом перебраться из провинции в Москву... Ну а если не удалось, то «всплывшие» может остаться и незамеченным на фоне того литературного многообразия, которым всегда славились большие города.

Именно так, мне кажется, случилось с Игорем Ереминым, стихи которого (точнее, малую толику) мы печатаем сегодня под рубрикой «Память: еще одна страница».

Впервые журнал «Наш современник» представил Игоря Еремина читающей публике в 1969 году. К тому времени он был уже известным на Дальнем Востоке поэтом, автором книжки стихов «Через много лет» (Хабаровское кн. изд-во, 1968).

В следующем году его имя в поэтической рубрике журнала появлялось уже дважды.

Ободренный этим хотя немного и запоздалым успехом (ему тогда исполнилось уже 38 лет), поэт с еще большим воодушевлением и верой в свое призвание отдался любимому делу. Одна за другой выходят новые книжки его стихов: «Ладони» (Хабаровск, 1972), «Земные корни» (Москва, «Современник», 1973), «Сердцевина» (Хабаровск, 1976), «Окоем» (Хабаровск, 1976), «Большак» (Хабаровск, 1982), «Зрелость» (Хабаровск, 1984).

Следует добавить, что в эти же годы в журнале «Наш современник» были напечатаны три большие его поэмы: «Солдатка» (1975), «Далекий свет» (1977), «Большак» (1981).

Казалось бы, как не заметить этих публикаций? Как не порадоваться появлению еще одного истинного таланта (помните, у Белинского — в отношении Некрасова: «Да знаете ли Вы, что Вы поэт, и поэт истинный?»).

Нет, не заметили. Нигде ни слова не появилось о провинциальном поэте. Даже имени его вы не встретите в журнальных статьях того времени. Критики продолжали твердить: интерес публики к поэзии падает, поэзии нет...

Легко ли было в такой атмосфере гнать от себя сверлящее мозг сомнение в правильности избранного тобой пути, жестокую догадку, что делаешь ты не то и не так?.. Легко ли? Тем более что ты одинок, что нет никого рядом (удел

большинства провинциальных поэтов), кто бы раскрыл истинную цену твоим творениям, поддержал веру в себя.

Публикуя новую его поэму «Большак», мы в журнале жили надеждой увидеть наконец поэта лично, поздравить его с успехом, высказать свое неравнодушное отношение к его поэзии, подтолкнуть его к более дерзновенным замыслам.

Но... нашим надеждам не суждено было осуществиться. Из Хабаровска пришла скорбная весть: Игорь Еремин умер. Умер скоропостижно от сердечного приступа... В расцвете таланта, на пятьдесят первом году жизни...

Помните у Маяковского: «Почему? Зачем? Недоуменье смяло. Критики бормочут: этому вина то да сё...»? Стихи на смерть С. Есенина. В каждой строке — горечь. Недоумение... Но там хоть это было: «Почему? Зачем?» А здесь — полная тишина. Тишина океанской глубины. Жена, наверное, слезу уронила, дети (их осталось четверо). И всё.

Россия даже не обернулась в ту сторону. Она даже не услышала ни его последнего вздоха, ни того бесшумного взрыва в его груди, который оборвал его жизнь. Она не узнала в ту минуту, что стала беднее на одного поэта. И одновременно — богаче на его поэзию. Это ей предстоит еще узнать.

Да, у России много поэтов. Но у нее никогда не будет их слишком много, как никогда не будет слишком много света у планеты Земля.

За недосугом я до сих пор не обзавелся подробностями биографии поэта Игоря Еремина. Думал: успею еще. И не успел... Недавно спросил у писателя-хабаровчанина Павла Халова: «У кого остался архив Еремина?» — «Ни у кого... — услышал в ответ. — Архива нет. Ни листочка, ни строчки... Нигде!»

«Да не может этого быть!.. — почти крикнул я, услышав такое. — Не может быть, чтобы у такого поэта, как Игорь Еремин, не осталось неопубликованных стихов».

Но и после этого Павел Халов не дал ни малейшей надежды на то, что архив поэта все же будет найден.

Очень хочется верить, что эти строки попадут на глаза родственников и друзей Игоря Еремина и они пришлют в редакцию если не рукописи его стихов или писем, то хотя бы какие-то документы или воспоминания, могущие пролить свет на его драматическую судьбу.

В стихах она не нашла сколько-нибудь полного отражения — по крайней мере в тех, что опубликованы. Разве что та только часть ее, которая падает на детство... В стихах его — другое. Имя этому «другому» — мужество народа, противостоящего великой беде — нашествию на нашу страну черной и беспощадной силы — немецко-фашистских орд.

И это понятно: Игорь Еремин принадлежит к тому поколению, которому выпало «открывать» мир в жестокую пору всеобщего разлада, разрушения, а не созидания и гармонии. Его ровесники запечатлели войну не со стороны фронта, а со стороны тыла, или, как говорили тогда, со стороны «второго фронта», который держали четыре года, не сдаваясь, женщины, старики и дети. И право же, в той трагической летописи по достоинству занимает принадлежащее ей место и поэзия Игоря Еремина.

И мы в наш просвещенный век поступили бы слишком бесхозяйственно, предав ее забвению. Это было бы похоже на тот печальный случай, когда вызревшая, с золотыми колосьями нива необрунная уходит под снег, безвозвратно погибает...

Издательство Российской Федерации «Современник», так много сделавшее для утверждения в большой литературе провинциальных талантов (кстати, единственная московская книжка И. Еремина вышла в «Современнике»), я думаю, найдет возможность издать и Игоря Еремина, собрав в один том и стихи его, и поэмы.

Проникнутые духом народности, патриотизма, национального своеобразия, исполненные в традициях русской классической поэзии, его стихи должны стать достоянием не только взрослых, но и школьников. Юным они особенно хорошо послужат, когда речь пойдет о любви и преданности Матери-Родине, о беспримерном подвиге народа в Великой Отечественной войне.

Сергей ВИКУЛОВ.